

ОТ КУЛЬТУРОВЕДЕНИЯ К ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

FROM THE CULTURAL STUDIES TO THE RUSSIAN CULTUROLOGY

V. Saveliyev

Annotation

The most important aspects of predestination and content of the national culturology are considered in the article. The author discussed the basic issues facing the fundamental cultural studies, such as: nature and culture, culture and society, a person and culture, culture and cultural diversity, etc. According to the author, the main subject of the analysis of culturology is multi-faceted and varied cultural process.

Keywords: Culture, cultural policy, culturology.

Савельев Виктор Васильевич

Доктор философских наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ, г. Москва

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы предназначения и содержания отечественной культурологии. Предлагаются основные вопросы, стоящие перед фундаментальной культурологией: природа и культура, общество и культура, человек и культура, культурное многообразие и разнообразие. Определяется основной объект анализа культурологии – многогранный культурный процесс. Дается оценка прикладной культурологии, призванной способствовать вызреванию этнической, региональной и муниципальной культуры.

Ключевые слова:

Культура, культурная политика, культурология.

После длительного перерыва в 2012 г. опубликован очередной – третий том из серии "Энциклопедия культурологии", который озаглавлен "Социокультурная антропология: История, теория и методология". Он отличается от двух предшествующих томов (см.: [2; 8]) не только своей объемностью, но и тем, что создает, с моей точки зрения, нежелательную ситуацию, так как "направляет" развитие отечественной культурологии по "антропологическим рельсам". О преднамеренности подобного движения можно судить по предисловию к тысячестраничному фолианту. "Российский институт культурологии, – пишет председатель и главный редактор культурологической серии К.Э. Разлогов, – едва ли не единственный в нашей стране, изучающий культуру не в узковедомственном, а в широком антропологическом смысле" [7, с. 3].

Широта этого смысла присутствует в статье О.Н. Астафьевой и К.Э. Разлогова "Культурология: предмет и структура", включенной в подраздел "Антропология и другие науки о человеке и культуре". Авторы статьи отмечают, что культурология – это интегративная наука о культуре, которая состоит из трёх направлений (гуманитарное, социально-научное и прикладное), подразделяется на два базовых уровня (в одном случае это теоретический и предметный, в другом – фундаментальный и практический). Благодаря присущей ей междисциплинарности, культурология выходит на уровень трансдисциплинарных стратегий. Перспективы же развития культурологического знания связаны с пятью основными интегративными стратегиями культурологических исследова-

ний... [7, с. 606–615].

Подобная глобальность и широта культурологической мысли в некоторой степени традиционна. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть тематику выступлений участников трех российских и одного международного культурологических конгрессов. Она характеризуется не только "разношерстностью",* но и, что ещё более тревожно, игнорированием того реального культурного процесса, в котором участвуют культурработники.

* В отчете о третьем российском конгрессе (октябрь 2010 г.) отмечается, что "Программа конгресса включила три панельных дискуссии, посвященные следующим стратегическим направлениям: "Стратегические проблемы современной культурологии", "Креативные практики современного культуротворчества в контексте теории, истории и социологии культуры" и "Креативные практики современного культуротворчества в контексте теории и истории искусствознания, философии, психологии и социологии художественного творчества", а также два пленарных заседания: "Фундаментальные проблемы культурологии креативности" и "Современная культурология и контуры цивилизации будущего".

В программу работы конгресса был также включен круглый стол "Новое законодательство в сфере культуры: между Сциллой традиционализма и Харибдой модернизма", посвященный актуальным проблемам совершенствования законодательства в сфере культуры. Он был проведен на базе комитета по культуре Правительства Санкт-Петербурга под председательством профессора К.Э. Разлогова и председателя Комитета по культуре Государственной Думы РФ Г.П. Ивлиева.

В рамках работы конгресса было организовано 48 секций, из них 34 авторских заседания, подготовленных и проведенных ведущими специалистами в различных сферах и областях современной культурологии, а также 5 конференций, собравших представительный состав теоретиков и практиков культурологии" (курсив мой - В.С.).

Хотя термин "работники культуры" сохраняется с советского времени (одной из высших наград и сегодня является присвоение почетного звания "заслуженный работник культуры Российской Федерации"), но в нынешних условиях (которое культурологами обозначается как "время культурологии") их начинают именовать иначе – "практики культурологии".

Отстраненность культурологии от реального культурного процесса, её ориентация на культурологов–теоретиков не нова. Она присутствовала в учебном пособии А.Я. Флиера "Культурология для культурологов", опубликованном в 2000 г. и адресованном преподавателям вузовской культурологии, аспирантам, докторантам и соискателям ученой степени [9].

Для конкретного учебного пособия подобное "заужение" адресности культурологии допустимо. Однако оно становится нежелательным для одного из направлений отечественной науки, ибо культура – это не только научное понятие, но и тот реальный процесс, в котором находятся народы, различные социально–культурные группы, индивиды. Процесс этот зримо управляется или незримо направляется теми, кто причастен к осуществлению культурной политики [1; 3; 5].

Именно на специалистов–политиков целесообразно обратить внимание при рассмотрении вопроса о предназначении и содержании отечественной культурологии. Им – муниципальным и государственным служащим – предстоит, с одной стороны, "переводить" замысловатую научную мысль на "язык" практической культурологии, а, с другой, зная сложные проблемы реального культурного процесса, "подключать" к их осмыслению и решению теоретиков. Поэтому идеальна ситуация, когда культурология развивается по двум руслам, ориентируясь не только на теоретиков (фундаментальная культурология), но и на управленцев–политиков (прикладная культурология). Что же касается практиков, то им ближе, как я полагаю, не культурология, а иная ветвь знаний о культурном процессе – культуроведение [4].

Далеко не все специалисты обращают внимание на нетождественность культурологии и культуроведения. К их числу относятся и социокультурные антропологи. По мнению одного из них – Ю.М. Резника, культуроведение – это гуманитарная культурология, основанная на описательно–интегративной методологии. Она отличается от социально–научной культурологии, базирующейся на "объясняющей" методологии [7, с. 619].

По моему мнению, именно отсутствие разграничения между культурологией и культуроведением усугубляет процесс становления отечественной культурологии. Знания и педагогический опыт, которые накоплены со времени окончания аспирантуры по кафедре теории и истории культуры МГИКа (декабрь 1971 г.), позволяют пред-

ложить иную типологию наук о культуре. Это предложение имеет свою предысторию. Дело в том, что потребность в культурологии как качественно новом направлении в развитии наук о культуре возникла в конце 1980–х гг.

Именно к этому времени достаточно развитыми стали три обществоведческие науки о культуре – теория, история и социология культуры. Однако в силу того, что они имели разную родительскую основу (теория культуры возникла в лоне теории научного коммунизма и, в значительной степени, – исторического материализма; история культуры отпочковалась от гражданской истории и истории КПСС, социология культуры – от общей социологии) их взгляды на общий объект – культурный процесс (который рассматривали как культурную революцию)* не только не "состыковывались", но и противоречили друг другу.

* Сегодня термин "культурная революция" забалтывается. Из научного понятия он "превратился" в телепередачу, которую ведёт доктор искусствоведения, экс-министр культуры России М.Е. Швыдкой.

Выход из этой ситуации требовал создания культурологии, которая в качестве метанауки "задавала" бы общие методологические ориентиры для вышеназванной триады обществоведческих наук о культуре. В этой триаде на методологическое лидерство претендовала теория культуры, которая с марксистско–ленинских позиций исследовала общие закономерности развития культуры и специфические особенности её развития в условиях строительства социализма и коммунизма. Одновременно эта триада как бы находилась на вершине советского культуроведения. В него входили, если идти от общего к частному, ещё три вида наук:

а) родовые науки о культуре (искусствоведение, науковедение, идеологоведение);*

* Именно к совокупности трёх форм общественного сознания – науки, искусства и идеологии – чаще всего сводится содержание культуры.

б) видовые науки о культуре (наиболее "разработанными" были науки о видах искусства – музыковедение и театроведение, цирковедение и балетоведение...);

в) институциональные науки о культуре (библиотековедение и музееведение, клубоведение и школоведение).

Однако на зарождавшуюся объективную потребность в культурологии (как метанауки по отношению к культуроведению) в начале 1990–х гг. "наложились" субъективные обстоятельства. С распадом СССР марксистско–ленинские науки утратили дееспособность и для преподавателей научного коммунизма, истории КПСС и научного атеизма были предложены иные – деидеологизированные науки, в том числе культурология.

Безо всякого научного обсуждения, по новой технологии (руководствоваться федеральным государственным

стандартом) культурологи–преподаватели должны были разрабатывать новый курс, ориентируясь на совокупность "стандартных" дидактических единиц. В неё были включены понятия из теории, истории и философии культуры, социологии и эстетики, из антропологии и других дисциплин социально–гуманитарного профиля.*

* Совокупностный подход, сегодня доминирующий в культурологии, побуждает студента овладеть грандиозным объемом несистематизированной информации. Лишенный концептуальности, он не позволяет приобрести главное – видение культуры как саморазвивающейся целостной системы. Вузовский курс "Культурология", по моему мнению, надлежит нацелить не столько на передачу суммы разнообразных знаний, сколько на формирование специалиста, способного мыслить современно–прогностически.

Присутствующая в стандарте междисциплинарность получила адекватное объяснение: культурологи–педагоги стали рассматривать и разрабатывать преподаваемый курс в качестве интегративной дисциплины, призванной раскрывать общие закономерности развития культуры. Под этим углом зрения начался бурный процесс написания учебных пособий по культурологии, количество которых приближается к девятому десятку. Хотя их авторы руководствуются общим стандартом, но их творения существенно различаются. Поэтому сегодня положение таково: сколько культурологов, столько и культурологий.

Сложившаяся интегративная междисциплинарность не только затрудняет определение границ культурологии, но и выделение тех специфических вопросов, ответ на которые призваны находить именно культурологи. Безграничность культурологии "обернулась" её энциклопедичностью. А нацеленность на раскрытие общих закономерностей сблизило культурологию с философией, так как этим "вопросом" давным–давно занимаются философы культуры. Поэтому культурологические учебники и пособия не редко дублируют философию культуры.

При всей существующей близости между философией культуры и культурологией (стремлением к универсальности и к методологическому статусу по отношению к другим наукам) они существенно различаются. Будучи любознательной, философия умозрительна. Культурология не может быть таковой, у неё вполне конкретный объект анализа – многогранный культурный процесс.

Именно философы выделили три подхода к аналитике этого процесса, обратив внимание на связь культуры с природой (природа и культура), обществом (общество и культура) и человеком (культура и личность). Взяв за основу эту триаду, культурологи получают возможность под своим углом зрения рассмотреть культуру в качестве социосферы (предельно широкий, мегауровневый подход), подсистемы общества (макроуровень) и культурного пространства (микроуровень).

В процессе подобного рассмотрения культурологи от-

вечают на три вопроса:

во–первых, какова природа культуры?

во–вторых, каково её предназначение в обществе?

и, в–третьих, каковы субъектно–личностные основы культурного процесса?

Ответив на эти вопросы, культуролог способен поставить и ответить на ещё один, возможно наиболее животрепещущий: каковы перспективы развития культурного процесса в России?

Не воспроизводя в более–менее полном объеме логику ответов на эти вопросы, попытаюсь остановиться на их "полезности" для культуротворцов.

Философы рассматривают культуру как вторую природу, надстраиваемую над первой. Для культурологов это мегауровень при рассмотрении культурного процесса. Здесь культура тождественна всей социальной сфере, находящейся во взаимодействии с биосферой и космосферой. Человечество культурно постольку, поскольку оно живет и действует, т.е. осуществляет свою жизнедеятельность, природосообразно или экологично.*

* В культуроведении чаще всего используются аксиологический (при котором культура это мир ценностей) и деятельностный (при котором культура – это созидательная, творческая деятельность) методы. В культурологии культура это жизнедеятельность, характеризующаяся внутренне присущими ей (имманентными) свойствами.

Именно экологичность жизнедеятельности людей предстает в качестве основополагающей имманентной характеристики культуры. Экологичными должны быть промышленное и сельскохозяйственное производство, транспорт и энергетика, школьная жизнь и досуговый процесс. А это означает, что деятель культуры не может проходить мимо особенностей биопсихической природы той аудитории, к которой он адресуется.

За мегауровнем (природа–культура) следует макроуровень (общество–культура). Здесь культура предстает в качестве одной из трех подсистем общества, наряду с экономической и политической подсистемами. Экономическая подсистема – это витально–рациональная жизнедеятельность, побуждающая действовать рационально во имя поддержания жизни. Именно она является локомотивом глобализации, нивелирующей особенности жизнедеятельности на разных континентах и в разных государствах. Культурной подсистеме, напротив, присуща локальность, ибо сердцевинной имманентной характеристикой культуры является этноментальная жизнедеятельность.*

Дилемму "глобализация–локализация" предстоит решать политикам, которые при решении вопроса: чему отдать приоритет во внутренней политике (экономической "всеядности" или культурной "самобытности"), руководствуются избранной целью. Политическая подсистема – это целостообразная жизнедеятельность.

В культурологии этноментальность – это этнонационально окрашенное мироощущение и мировосприятие, посредством которого члены этнической или национальной общности, сохраняя близость, внутреннее родство и следуя межпоколенной преемственности, вырабатывают собственные, отличные от других народов, психологические установки и духовные предпочтения, ценностные ориентации и модели поведения. Этноментальность означает сопричастность судеб. Она придает жизнедеятельности людей особый колорит и избирательность, межиндивидуальную распознаваемость, опирающуюся на отделение "наших" от "других". Этноментальность позволяет находить в общем информационно-культурном пространстве родные мотивы и интонации, знаки и символы, языки и образы [6].

Хотя в основе этноментальности находится этничность, поддержанием которой (русскости у русских, татарскости у татар и т.д.) призваны заниматься культурботники. Немаловажное значение имеют и те ментальные характеристики, которые складываются в процессе повседневного соседского общения людей, совместного преодоления трудностей нынешней жизни.

И, наконец, в культурологии выделяется микроуровень (культура – личность). На этом уровне речь идет о вершинной имманентной характеристике культуры – гуманистической жизнедеятельности самодеятельного характера. Она включает четыре ступеньки, двигаясь по ко-

торым человек входит в мир культуры. Если называть их по порядку, то первая ступенька – это самостоятельная, за которой следуют активная, свободная и творческая жизнедеятельности. Поскольку основы самостоятельности жизнедеятельности человека закладываются в семье, постольку она находится в субъектно-личностном основании культурного процесса. Соответственно, именно семья достойна внимания со стороны учреждений культуры.

Если предельно кратко ответить на четвертый вопрос, стоящий перед фундаментальной культурологией, то перспективы культурного процесса связаны с постепенным движением от былой полугомогенной советской культуры (когда этнонациональное подменялось классовым, а потому литература и театр, музыка и живопись, человек и его образ жизни были советскими) к культурному многообразию (количественная характеристика), а затем культурному разнообразию (качественная характеристика).

Грядущая российская культура будет состоять не только из культур и языков народов России – русской и татарской, башкирской и удмуртской, но и из региональных русских культур – московской и владимирской, архангельской и иркутской, смоленской и брянской. Их выживанию призвана способствовать прикладная культурология в трех номинациях – этническая, региональная и муниципальная.

ЛИТЕРАТУРА

1. Востряков Л.Е. Рыночные реформы и региональные администраторы сферы культуры: социальный профиль // *Общественные науки и современность*. 2004. № 4. С. 87–96.
2. *Культурология: люди и идеи*. – М., 2006.
3. Савельев В.В. Культурное пространство в период реформирования России // *Управленческое консультирование*. 2005. №2. С. 178–187.
4. Савельев В.В. О преемственности в культурологии // *Управленческое консультирование*. 2007. №2. С. 207–220.
5. Савельев В.В. Регионализация культурной политики в России: позитивные тенденции нашего времени // *Управленческое консультирование*. 2005. №4. С. 200–210.
6. Савельев В.В. Языковой фактор в национально-культурной политике // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2012. №1. С. 5–14.
7. *Социокультурная антропология: История, теория и методология: Энциклопедический словарь* / Под ред. Ю.М. Резника. – М.; Киров, 2012.
8. *Теоретическая культурология*. – М.; Екатеринбург, 2005.
9. Флиер А.Я. *Культурология для культурологов*. – М., 2000